

Посвящается Линн и Заку

Пролог

В итоге в отдел полиции меня отвезла мать. Полицейские хотели сами доставить меня туда на заднем сиденье патрульной машины, но получили решительный отказ. Впервые на моей памяти мать вышла из себя. Я, пятнадцатилетний пацан, стоял в кухне, зажатый по бокам двумя здоровенными констеблями, а она перегородила им дверь. Помню, как менялось выражение ее лица, пока они объясняли ей, почему они здесь и о чем хотят со мной побеседовать. Поначалу услышанное вызвало у нее недоумение, вскоре сменившееся чем-то больше похожим на страх, когда она посмотрела на меня и увидела, насколько я растерян и испуган.

И хотя моя мать была женщиной маленькой и хрупкой, что-то в тихой ярости ее голоса и решительности позы заставило этих здоровяков отодвинуться от меня. Пока мы ехали через весь поселок вслед за патрульным автомобилем, я оцепенело застыл на пассажирском сиденье слева от нее, сидящей за рулем.

Когда перед нами показалась старая детская площадка, машина впереди сбавила ход.

— Не смотри! — приказала мне мать.

Но я не смог удержаться. Увидел натянутые вокруг площадки ленты оцепления. Запрудивших улицу полицейских с мрачными лицами. Множество машин, выстроившихся вдоль тротуара, бесшумное вращение синих огней под вечерним солнцем. А еще увидел старую детскую горку-лазалку — примитивное сооружение из стальных труб со множеством горизонтальных перекладин. Вытоптанная земля под ней всегда была уныло-серой, но теперь я заметил, что она запятнана ярко-красными кляксами. Атмосфера вокруг казалась тихой и торжественной, едва ли не благоговеющей, как в церкви.

И тут машина впереди окончательно остановилась.

Полицейские хотели, чтобы я хорошенько рассмотрел сцену, за которую, по их убеждению, я был ответственен.

«Надо что-то решать с Чарли...»

Эта мысль не отпускала меня целые месяцы, приведшие к тому дню, и я до сих пор помню беспомощную тоску, которую она всегда вызывала. Мне было всего пятнадцать лет, и это было несправедливо. Казалось, что всю мою жизнь ограничивают и контролируют окружающие меня взрослые, и все же никто из них, похоже, так и не заметил черный цветок, гниющий прямо посреди цветущего сада. Или же они решили, что пусть его — травка по соседству, которую он отравляет, не так уж и важна.

Нельзя было оставлять меня один на один с Чарли...

Теперь я это понимаю.

И все же, когда я сидел тогда в машине, чувство вины, которое они хотели у меня вызвать, затопило меня с головой. Чуть раньше в тот день я бродил по пыльным улицам, щурясь на солнце и потев на летней жаре, и заметил прямо на этой детской площадке Джеймса. Самого старого своего друга. Крошечную одинокую фигурку вдаль, неуклюже нахохлившуюся на нижней перекладке не лазалки. И хотя мы не разговаривали уже несколько недель, я прекрасно знал, что он там делает — ждет Чарли и Билли.

И я просто прошел мимо.

Несколько полицейских возле горки обернулись на нас, и на миг показалось, будто абсолютная тишина и нацеленные на меня осуждающие взгляды намертво зажали меня со всех сторон.

И тут я вздрогнул, поскольку эту тишину вдруг разорвал какой-то оглушительный звук.

Лишь через секунду я осознал, что мать навалилась на руль, включив сигнал. В этой почти церемониальной обстановке режущий уши рев автомобильного гудка прозвучал богохульственным диссонансом — как чей-то отчаянный крик на похоронах, — но когда я посмотрел на мать, губы у нее были плотно сжаты, а взглядом она яростно сверлила полицейскую машину впереди. Мать не отнимала рук от руля, и звук все не смолкал, разносясь по всему поселку.

Пять секунд.

— Ма.

Десять секунд.

— *Ма!*

А потом полицейский автомобиль перед нами медленно двинулся с места. Мать убрала руку с сигнала, и вновь воцарилась тишина. Когда она повернулась ко мне, выражение лица у нее почему-то было одновременно и беспомощным, и решительным, словно моя боль была ее собственной и она задалась целью полностью переложить свалившуюся на меня ношу на собственные плечи.

Потому что я — ее сын, и ее дело — присматривать за мной.

— Все будет хорошо, — произнесла она.

Я ничего не ответил. Просто уставился на нее в ответ, проникаясь серьезностью ее голоса и убежденностью у нее на лице, а также испытывая благодарность за то, что рядом есть тот, кто присматривает за мной — пусть даже я сам никогда в этом не признался бы. Благодарность за то, что есть кому позаботиться обо мне. Что есть тот, кто настолько верит в мою невиновность, что даже не видит нужды высказывать это вслух.

Кто пойдет на что угодно, чтобы защитить меня.

После того, что показалось чуть ли не вечностью, мать кивнула каким-то своим мыслям, опять перевела взгляд на дорогу и тронула машину с места. Мы последовали за нашими конвоирами к выезду из поселка, оставив скопление автомобилей с мигалками, провожающих нас взглядом полицейских и запятнанную кровью детскую площадку позади. И слова матери по-прежнему эхом отдавались у меня в голове, когда с узких поселковых улочек мы выехали на двухполосную автомагистраль.

«Все будет хорошо».

Двадцать пять лет прошло с тех пор, но я по-прежнему постоянно об этом думаю. Это именно то, что все хорошие родители говорят своим детям. И все же, к чему все это на самом деле сводится? Это лишь то, на что ты надеешься, чего желаешь, оставаясь при этом заложником случая. Это обещание, которое ты не можешь не дать, и то, во что ты изо всех сил должен верить, поскольку что еще остается?

«Все будет хорошо».

Да, я часто об этом думаю.

О том, как каждый хороший родитель это говорит и как часто при этом ошибается.

Часть I

1

В наши дни

В тот день, когда все это началось, детектив Аманда Бек формально была не на службе. Провалилась в кровати допоздна. Разбуженная в ранние часы знакомым кошмаром, все цеплялась за тонкие ниточки сна, сколько могла, и лишь где-то к полудню наконец встала, приняла душ и приготовила кофе. Парнишку прямо в тот момент уже убивали, но никто еще про это не знал.

В середине дня Аманда села в машину и отправилась навестить отца. Ехать было недалеко. Когда она подкатила к Роузвуд-гарденз, там уже стояло несколько машин, но людей не было видно. Вокруг царила полнейшая тишина, пока она шла между цветочными клумбами извилистой тропинкой, ведущей к воротам, а потом двинулась изученным за два с половиной года маршрутом, сворачивая у приметных надгробий, ставших для нее привычными ориентирами.

Странно ли думать о мертвых как о друзьях?

Наверное, да, но какая-то часть ее так и поступала. Она приезжала на кладбище как минимум раз в неделю, а значит, чаще встречалась с лежащими здесь людьми, чем с горсткой тех живых и

здравствующих друзей, которые у нее имелись. Аманда мысленно отмечала своих потусторонних знакомых в голове, проходя мимо. Вот могила, которая всегда хорошо ухожена — постоянно свежие цветы. А вон и та, что со старой пустой бутылкой из-под бренди, неустойчиво пристроившейся на камне. Дальше участок, заваленный мягкими игрушками, — детская могила, предполагала Аманда, и подарки, оставленные безутешными родителями, которые так и не сумели до конца расстаться со своим ребенком.

И, наконец, за последним поворотом — могила отца.

Остановившись, она затолкала руки в карманы куртки. Участок отмечал прямоугольный надгробный камень, массивный и незыблемый — такой, каким Аманда помнила отца с самого детства. Было что-то родное в суровой простоте этого камня — в том, как лишь имя и пара дат отмечали прошедшую жизнь. Никакого пафоса, в точности так, как ему и хотелось бы. Дома отец был любящим и заботливым человеком, но всю свою жизнь он прослужил в полиции и даже умер на работе, в собственном кабинете под конец рабочего дня, до самого конца выполняя свой служебный долг. Представлялось правильным отразить эту черту его характера при выборе надгробия. Она нашла то, что выполняло требуемую задачу — и выполняло хорошо, — но держало эмоции в стороне.

«И чтоб никаких цветов на моей могиле, Аманда!»

«Если я ушел — значит, ушел».

Один из множества приказов, которым она послушно следовала.

Но, господи: все равно тоскливо не укладывалось в голове, что его больше нет в этом мире! Ребенком Аманда боялась темноты, и всегда как раз отец приходил на ее зов. Когда он работал в ночную смену, она всегда ощущала тревогу, словно под ее болтающимися в пустоте ногами вдруг не оказывалось страховочной сетки и некому было бы поймать ее, если она упадет. Аманда и сейчас порой испытывала подобное чувство. Где-то в самой глубине головы постоянно копошилась смутная мысль, что что-то не так, что чего-то не хватает, и оставалось лишь надеяться, что со временем это пройдет; но тут она вспоминала, что отца больше нет, и осознание непреложного факта обрушивалось на нее с прежней силой. Если она позовет сейчас, никто не прибежит к ней в ночи.

Аманда плотнее запахнула куртку.

«И не разговаривать со мной, когда меня не станет!»

Еще один приказ. Так что, приходя на его могилу, она просто стояла, погрузившись в собственные мысли. Как и он сам, Аманда не была особо религиозным человеком, так что не видела смысла произносить что-либо вслух. В конце концов, некому было теперь ее услышать — возможность задать друг другу какие-то вопросы осталась в прошлом. Она осталась наедине с коротким жизненным периодом опыта и мудрости, который отец подарил ей, и ей теперь оставалось лишь мысленно просеивать его. Подносить его частички к свету, сдувать с них пыль, проверять, что из всего этого работает и что она может использовать.

Беспристрастно.

Сдержанно.

Прагматически.

Так, каким был он сам, когда дело доходило до его работы. Аманда часто обдумывала совет, который он ей как-то дал: когда видишь что-то действительно страшное, мысленно убери это в прочную коробку. Постоянно держи ее плотно закрытой у себя в голове и открывай лишь затем, чтобы бросить в нее что-нибудь еще. Работу и то, что тебе приходится лицезреть, выполняя ее, нужно любой ценой держать подальше от собственной жизни.

Все это звучало так просто, так четко...

Отец очень гордился тем, что Аманда поступила в полицию, и хотя она всем сердцем скучала по нему, существовала также и некая маленькая часть ее, которая втайне радовалась, что его не было рядом и он не мог знать, что представляла собой ее жизнь эти два последних года. Не мог знать про «коробку ужасов» у нее в голове, которая и секунды не оставалась запертой. Про кошмары, которые снились ей по ночам. Про то, что, как оказалось, она не стала таким полицейским, каким был он сам, — Аманда уже сомневалась, под силу ли ей это вообще.

И хотя она послушно следовала требованию отца не разговаривать с ним, это не останавливало ее от мыслей о нем. Сегодня, как и всегда, Аманда размышляла, насколько он был бы разочарован.

Она уже возвращалась к машине, когда зазвонил ее телефон.